

Екатерина Бякова

Чёрный гость. Часть 2

Екатерина Евгеньевна Бякова

Чёрный гость. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71131348

SelfPub; 2024

Аннотация

Эта история является продолжением книги "Чёрный гость. Часть первая." Поиски недостающих предметов от роскошного сервиза приводят героиню в дом странноватого травника, которого она принимает за владельца оставшихся предметов. Но травник вынужден открыть ей некую тайну. Владелец сервиза – не простой человек. И этот красивый сервиз – артефакт, сохраняющий в себе древние силы. В этой книге главная героиня побывает на Чёрном роднике, смоев его водой всё наносное и откроет свою истинную суть. Её ждет путешествие в прошлое и будущее, горы, белый каменный мост. Её ждёт встреча с пришельцами из нижнего мира, а старая деревенская ведьма приоткроет её секреты колдовства. Ей придётся столкнуться с жестокостью деревенских жителей, испытать на себе силу травяных настоев старого аптекаря. Встречу с Будущим и Прошлым она будет искать в горах. И помогать её будет душа умершей Хранительницы, после смерти воплотившейся в зверя.

Содержание

Глава 12	4
Глава 13	15
Глава 14	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Екатерина Бякова

Чёрный гость. Часть 2

Глава 12

Мне стало совсем тоскливо, было невыносимо присутствие постороннего мне человека, и я попросила таксиста остановить. До села немного, может, километра четыре, самое большее-пять. Мне захотелось пройтись, чтобы стряхнуть с себя липкий полумрак палаты Збыслова, его слов, всё это настроение, навеянное соприкосновением с загадками древности, всей этой деревенской магией, которая временами, не скрою, вселяла и ужас, и тоску, как теперь. Я не знала, что со мной происходит. Мне хотелось упасть в траву и кататься по ней, пока не отступит то состояние души, когда ощущаешь её издёрганной и изъеденной. “Кошки скребут на душе: “так говорят в народе. У меня же на душе скребли совсем не кошки, а гигантские львы и тигры.

Я расплатилась с водителем и пошла вдоль трассы дальше вперёд; искать подходящее место-тропинку или лесенку, чтобы спуститься с асфальта и ощутить под ногами землю и траву. Мне казалось, что это меня успокоит, даст равновесия моему душевному состоянию. Придаст уверенности. И впрямь, было лучше прогуляться. Чистый горный воздух

и легкий освежающий ветер обволакивали меня своими потоками, выветривая из размышлений мрак. Как же хорошо подставлять ветру своё лицо и отдавать его порывам все свои тревоги. Какое же это счастье-просто глубоко вдыхать чистый струящийся поток воздуха, напоённого запахами влажной земли, зацветающих трав и деревьев, несущего освежающий шлейф мельчайших частиц воды с горных потоков. Я нашла каменистую тропку и сбегала по ней вниз по небольшому склону. Впереди, вдоль дороги реденькие группки деревьев. Чем дальше, тем хоровод ясеней и чёрной ольхи становился плотнее и переходил уже в лес, который тянулся вдоль холмистых предгорий. Сразу за лесом и находится село Старая Кремна. Самая широкая тропа должна была вывести меня на село. Заблудиться здесь невозможно, в ширину лес не больше двух километров. Ну поплутаешь чуть-чуть, всё равно выйдешь на деревни. Так я думала, шагая по самой широкой тропе. Где-то через километр узнала поворот на деревню, в которую Милош возит молоко. Там большая сыроварня, делают вкуснейший сыр. Захотелось завернуть туда, купить сыр. Я на настроении свернула. Где-то через полчаса хода я поняла, что заблудилась, потому что широкая тропа вдруг оборвалась, упёршись в небольшую светлую полянку, заросшую чистотелом и ежевикой. Как же так! Я всё узнала и сориентировалась правильно и, шла правильно, никуда не сворачивала. Неправильно я сделала только одно: когда входила в лес – не задобрила лесного духа монеткой. Да ещё

и над Милошем сегодня утром потешалась тихомолком. И чёрт меня дернул завернуть на сыроварню. “ Вот и нечего было бродить в малознакомой местности, да ещё и за границей: “-запоздало моё здравомыслие. Я решила, что осмотрю полянку и пойду назад. Такое умиротворение было разлито вокруг. Могучие вековые дубы сторожили этот солнечный кружок. Пахло их сопрелыми с осени желудями и листьями. В прогалы между деревьями вливались лучи солнца, щебетали какие-то птицы мелодичными голосами, белки шныряли по стволам, проявляя любопытство: что это за зверь такой в серебристой шубке пожаловал к ним. Про кабанов я как-то и не подумала тогда. Благо же и не встретила их. Мне захотелось посмотреть, есть ли здесь сморчки. И я пошла обходить полянку, поглядывая у деревьев, в прогалах между выступающих корней группки смешных необычных шляпок. Грибов я не нашла, зато на противоположной стороне поляны среди зарослей чистотела обнаружила, притаившийся в буйной растительности, небольшой родник. Он был незаметен, пока я не подошла ближе. Маленькое лесное озерцо с чёрной водой было обложено камнями. Кто это сделал: люди или природа-понять было невозможно. Родник давал начало ручью. Ручеёк был полноводным, и не широким своим потоком пробил себе ложбинку, размыв почву. От него так и тянуло свежестью чистой воды и радостью жизни. Я не устояла, поплескалась в нём руками от души. Попить из него я, конечно, не рискнула, но с удовольствием ополоснула лицо

его холодной прозрачной водой. Уходить с родника не хотелось и я смотрелась в его гладь, низко наклоняясь над водой, брызгала, плескала водой. Словом, потешалась, пока не застыли руки. Я ещё немного посидела на большом камне, отогревая кисти рук в карманах. В последний раз вымыла лицо родниковой водой, пригладила волосы мокрой рукой. На сердце было легко. Я пружинисто поднялась и направилась в обратный путь, рассчитывая по дороге в уме примерное время, которое займёт моё пешее путешествие. К роднику я шла минут тридцать. Ну и обратно значит тоже столько же времени займёт дорога. Потом, где-то час идти по лесу до села. Но обратная дорога от родника к основной тропе была изумительно коротка. Уже минут через пять я была на перекрестке. Мне так было легко и хорошо после знакомства с лесным родником, что я забыла испугаться от того, что обратный путь оказался гораздо короче. Просто удивилась. И только поправила пояс-оберег, который подарила Ружена. Я его и не снимала с себя, он всегда перетягивал мою талию. Повернула налево и потопала по самой широкой лесной дороге, где были видны следы колёс телеги и копыт лошади. Минут через десять меня догнал на своей телеге Милош. Он остановил возле меня свою огромную серую лошадь и напустился на меня, не здороваясь:

—Чего ты тут одна?! Ходишь, бродишь?! Садись, туристка! -сердито, с сердцем крикнул он мне. Я молча залезла в телегу, радуясь, что уже скоро будем в селе. Есть уже хоте-

лось просто зверски и пить тоже. Я вспомнила про родник:

–Господин Милош, скажите, а вот здесь недалеко есть родник, такой... небольшой, с черной водой. На полянке с дубами. Его воду можно пить? -вопрос мой был самый простой и невинный, но Милош просто подскочил на своей скамеечке:

–Ты видела родник??! Здесь? Недалеко? – он остановил коня и развернулся ко мне, обезумевшим взором вцепляясь в моё лицо. Честное слово, других определений его взгляду до сих пор просто не нахожу. Он просто вытаращил на меня глаза, поддавшись минутному натиску ужаса и недоумения вперемешку. Что тому было причиной, знать я не могла, а вдаваться в объяснения Милош, как и все остальные жители села, с которыми я успела познакомиться, не спешил. “Все как будто сторожат свои секреты: “мелькнула у меня мысль. “Наверное, тайн тут будет предостаточно. Просто за каждым деревом, камнем и словом. Ну и местечко. “ Я продолжала разглядывать его перепуганное лицо, склонив голову и взяв дурашливый ребячливый тон, отвечала:

–Видела, дядя Милош. И вода там чёрная пречёрная. А наберёшь в горсть – прозрачная! У него есть название? – продолжала я болтать, снова в душе потешаясь испугом Милоша. Он был просто презабавен в этот момент.

– Есть название. Так и зовут... Чёрный родник, – коротко ответил он, отойдя от своего испуга. Он бодро тронул лошадь вожжами и мы мягко покатали по колее, заросшей мел-

кой зеленой травкой. Немного погодя, как будто опомнившись, Милош поспешно и нервно пустил лошадь мелкой рысью, и мимо замелькало мелкоколесье с густым кустарником у дороги, а в просветах крон высоких буков бежали по голубому небу легкие белые облака. Милош больше не разговаривал и не оборачивался ко мне всю дорогу, только бормотал что то, и я отчетливо слышала сербское слово: “Вештица, вештица...:” повторял он, подгоняя своего коня, сгорбив спину и подняв плечи, надвинув свой картуз на глаза, как будто пытался спрятаться от чего-то за большим лакированным козырьком. Меньше, чем через полчаса мы были уже у дома лекаря. Едва я спрыгнула с телеги, Милош стегнул лошадь. Деревенский трудяга зафыркал, встряхнул гривой и легко понёс телегу с погромыхивающими пустыми флягами и одним седоком прочь.

Вацлав спал в кресле на веранде, прикрыв колени пушистым шерстяным пледом в бежевую и коричневую клетку. Очки он уронил себе на колени. Тишину во дворе нарушал только шорох ветра в саду, играющего молодыми листьями и ветвями деревьев. Я хотела проскользнуть в дом мимо травника, но он проснулся.

–Как Збыслав?-были его первые слова, как только он открыл глаза.

–Нормально. Только слабый очень. Быстро устаёт, – ответила я, уже держась за ручку двери. Так не терпелось выпить хотя бы чашечку чая с булочкой или сырником. Утро оказа-

лось насыщенным на события и истощило меня. Вацлав заметил моё настроение и поднимаясь с кресла, сказал:

–Пойдемте, госпожа Катерина, пообедаем. И вы всё мне подробно расскажете. Да... Всё подробно! Ружена приговорила цыплёнка и овощи. А я заварю вам бодрящий чай с травами.

Пока мы обедали, я рассказала травнику, что Збыслав просит какой-то особенный сбор лекарственных трав, обладающих невероятной исцеляющей силой. Упомянула я и про 1927 год.

–Збыслав сказал, что вы должны помнить об этом. Ещё он говорил про гору, – подытожила я, стараясь не думать о том, что речь идёт о событии, которое произошло почти сто лет назад и что я сейчас общаюсь с его участниками. Как будто, это самое обычное дело, помнить то, что ты делал девяносто шесть лет назад во время сбора каких-то там трав на какой-то горе. Но пройдёт совсем, совсем немного времени и я и впрямь буду относиться к подобным вещам легко и спокойно, не пугаясь и не удивляясь ничему. Как к самым простым и обыденным явлениям. Про Чёрный родник и про разговор Збыслав, который касался непосредственно меня и сервиза я не помянула ни единым словом.

–В 1927 году, говоришь? -вполголоса бормотал травник.

–Да, он так сказал, – подтвердила я.

–Мне придётся поднимать свои записи...Вот что...Ваша помощь, госпожа Катерина, снова будет просто бесценна! Не

откажите старику. Нужно будет найти и просмотреть все записи за 1927 год... Я помню., делал их очень аккуратно... -наконец определился травник.

–Хорошо,– согласилась я, – когда же вы, господин Вацлав, думаете приступить? – в моем понимании приступить нужно было немедленно. Хранитель рассчитывал на целебную силу этих трав. Вацлав высказал такое же мнение, и после обеда мы незамедлительно занялись разборкой бумаг.

Всю свою основную библиотеку и записи в том числе, Вацлав хранил на втором этаже, в комнате, прямо над моей спальней. Обстановка этой комнаты напоминала библиотеку и кабинет одновременно. Деревянные шкафы без стекол вдоль стен, заставленные пыльными книгами сверху до низу составляли основное убранство. Две банкетки, обтянутые зелёным бархатом, резной деревянный письменный стол и большое чёрное кожаное кресло на ножках привносили в обстановку налёт роскоши. Но гардины с тяжёлыми шторами были сняты и устроены на стопках книг, лежащих на полу. А пропыленные окна пускали мутный желтовато-серый свет. Большие амбарные тетради лежали в двух деревянных сундуках, которые я сначала и не заметила, так как они стояли за столом между креслом и шкафом. Вацлав выволок их на середину комнаты, поднимая пыль. Мы пододвинули к сундукам банкетки и уселись просматривать тетради. Кроме тетрадей в сундуках ещё лежали папки с отдельными листами бумаги разных форматов и качества. Видимо записи, ко-

торые травник делал наспех, на том, что было под рукой. Вся бумага пожелтела от времени. Кое – где обкрошились уголки листов и побледнели чернила. Записи, сделанные карандашом, вообще разобрать было невозможно. Всё это нужно было просмотреть, ориентируясь на весну-лето 1927 года по датам. Послеполуденное солнце било в окна, а мы с Вацлавом шуршали листами, осторожно перелистывая страницы и вчитываясь в даты и пояснения к ним. Я фотографировала записи и переводила с помощью интернета. Вацлав читал свои опусы, кое-где надолго задерживаясь на страницах. Воспоминания так поглотили его, что он на мои вопросы или не отвечал, или ограничивался “угу” и “ага”. Он перенесся в прошлое, поглощенный прочтением, не обращая внимания ни на меня, ни на бег времени. Я уже разобрала одну стопку тетрадей и начала просматривать папку с отдельными листками, когда закатное солнце зарделось красным и в такой же красный окрасило облака на горизонте. Света было уже недостаточно, глаза мои утомились. Приходилось напрягать своё зрение, чтобы разобрать дату на бумаге, в уголках глаз где-то сбоку металась неясная тень и всполохи зелёного и жёлтого света. Подняв глаза от листов с записями, чтобы дать им отдых, я оторопела от открытия, что тени и всполохи – это вовсе не явления в уставших глазах! Тени и видения металась и плавали по воздуху комнаты над полом, за спиной травника и за моей спиной, держась темных углов библиотеки! Я застыла, не в силах пошевелиться и смотрела

на эти картины в воздухе как какую-нибудь пьесу в театре. Я боялась вздохнуть и пошевелиться, наблюдая за их движением и сменой. Откуда-то с полу от окна взметнулось облако мутной мглы и пролетело за спиной травника, таща за собой толпу цветных облачков. Облачка остановились, стали набирать цвет и обретать формы. И вот проступил кусочек зелёного луга, густо заросшего травами и залитого солнцем. Можно даже было разобрать цветущие травы. На лугу выступили фигуры людей – это молодежь: два парня и девушка, в деревенской одежде. Они смеются и бегают по траве, а я в восторге и ужасе неизвестного сию на банкетке и пытаюсь понять, что же это такое. Вот луг бледнеет, и эта картинка тает, а следом тут же появляются из тумана другое видение. Полутёмная комната освещена только лампой, что-то вроде керосинки. Темная фигура человека, склонившегося над книгой. Вот он поднимает своё лицо, и я узнаю Вацлава, только он гораздо моложе, чем теперь. Одна секунда и всё исчезает, оставив тающее облако темного тумана. Вдруг у плеча травника ярко зелёный всполох прочеркнул молнией полумрак комнаты. Снова проступает картинка. Теперь над головой, ничего не подозревающего травника, проявилась огромная стеклянная колба, которая нагревается на спиртовке и в её пузыре закипает светло зелёная жидкость. Я не отрываясь смотрю на эту смену видений. С трудом овладев собой, перевожу взгляд на Вацлава. Он увлечён чтением и ничего не видит, не чувствует., плавает в своих мыслях.

Значит, эти видения в полутёмной комнате доступны только мне, травник их не видит, не чувствует. Отчётливо понимаю, что эти движущиеся картинки в воздухе имеют прямое отношение к лекарю. Я видела на лугу его и Бажану, и Збыслава. Но что это? Увидеть прошлое так явственно, так близко... Или это мне удалось увидеть мысли и воспоминания травника? Все вопросы я могу задать только Хранителю... Все берегут свои секреты от посторонних. И мне не стоило много выкладывать лекарю. Я менялась. Перемены эти и пугали, и вызывали восторг. Восторг, которого я раньше никогда не знала. А ещё бесконечное любопытство, которое толкало и подстрекало заглянуть во все эти тайны и узнать их подлинную суть.

Видения постепенно отступали, таяли и рассеивались лёгким дымом, взлетавшим к потолку комнаты. Травник оживлённо перелистывал тетрадь, уже не заботясь о сохранности страниц и, по-прежнему, ничего не замечал вокруг себя.

Глава 13

– Вот, вот... Вот! Нашлось... Но это же июнь 1927. Это же июнь... Сейчас апрель... – ничего не возможно было чётко понять из слов лекаря, произносимых им вполголоса, сбивчиво. Только то, что, наконец, что-то нужное нашлось. Он поднял от тетради глаза, очки соскользнули. Травник смотрел на меня в упор, и, казалось, сквозь меня. Как будто я стеклянная стенка или что-то такое, не представляющее из себя никакой физической преграды. Я ждала, когда он выйдет из своего забытья, в которое его погрузили воспоминания столетней давности. Наконец, он стряхнул с себя гнёт пролистанных лет и вновь пережитого столетия, и бодро объявил мне:

– Катерина, госпожа Катерина! Я нашёл! Я нашёл нужные записи. Боже мой, как давно это бы... – осёкся он на полуслове, испытующе поглядев мне в глаза. Что он в них хотел увидеть и увидел ли? Это осталось с ним. Потом, складывая разрозненные листы в папку и убирая ненужные тетради обратно в сундук, лекарь продолжил:

– Я должен всё перечитать и вспомнить. Поработаю вечер и ночь... Тут нас снизу позвала Ружена. Ужин был готов, и мы поспешили возвратить тетради и папки на их места, в сундуки.

Ужин прошёл в молчании, только Ружена нарушала его

изредка, предлагая нам с Вацлавом то добавки, то другое блюдо. Сразу после чая я ушла к себе, а Вацлав засел на своём диване, прочитывать то, что отобрал наверху в библиотеке. Он запасся свежим блокнотом, заправил за ухо карандаш и попросил ещё чая. Никаких дел на следующий день мне травник не поручал, и я надумала погулять утром по округе, сделать звонки и обдумать всё что услышала и увидела за эти дни. Сейчас же, вечером, хотелось уединиться у себя в спальне и полюбоваться на свою находку, что пришла мне в руки на участке Ружены. Я вытащила из рюкзака кулёк из махрового полотенца, в который замотала вещицы. Развернула его и достала небольшой кувшинчик-молочник. До чего же он хорош! Такой ладный и тяжёленький. Темное стекло замерцало в глубине, надолго затягивая мой взгляд в свои блики, завораживая своей таинственностью и загадочностью, заставляя отрываться от реальности и уплывать в немыслимые предположения и фантазии о других мирах и существах, которые возможно действительно обитают где-то совсем рядом, стоит протянуть руку. Я села на кровати, держа на коленях кувшинчик и углубившись в размышления. Действительно, вещь эта обладала магнетизмом, завлекала сознание и манила к созерцанию её снова и снова.” Какую тайну она могла в себе хранить? Что это за силы, о которых говорил Вацлав в первый день? Какова их природа? И где они дремлют сейчас? “Вопросы без ответов рождались и металась в моей голове, цепляясь друг за друга, порождая всё

новые и новые вопросы и некоторый хаос в моих чувствах.” Всё объяснить может только Хранитель, Збыслав. Ему известна тайна веков и веков. Вацлав больше не пускается ни в какие объяснения. Что известно этому старику-травнику ста пятидесяти лет? А может ему гораздо больше? Какую роль назначил он себе?” Ото всех этих мыслей я ощущала себя человеком, идущем по неизвестной дороге в кромешной тьме.

Я начала готовиться ко сну, хотя не чувствовала к отдыху никакого позыва. Спать не хотелось совершенно. Я открыла окно во тьму сада. Удивительно, как громко трещали цикады. Сна не было. До рассвета терзала я себя припоминанием всяких подробностей всего, что происходило за последние несколько дней. Бесплезно было и надеяться на крепкий освежающий сон после такой зарядки для памяти. Задремала, когда небо стало уже серым.

Утро было уже не утром, а полднем, когда я подскочила, разбуженная ярким светом солнца. Как была, лохматая со сна и в пижаме, потихонечку открыла дверь и в щёлку глянула, что делается у Вацлава. Он ещё спал на своём диване, завернувшись в тёплый клетчатый плед. Рядом, везде: на подушке, под руками, на спинке дивана лежали раскрытые книги, тут же была и вчерашняя амбарная тетрадь, что нашли вчера вечером в сундуке на втором этаже. “Читал, наверное, всю ночь. Интересно, что надумал. Будить его или нет? Как хочется чашечку чая!”: заметались мысли. Пока я переодевалась и расчёсывалась у себя в спальне, за-

шла, громко хлопая дверью, Ружена. Завозился и забормотал со сна травник. Я прислушивалась, стараясь не шуршать. Иногда, очень полезно подслушать чужие беседы. Они тихо, вполголоса о чём-то переговаривались. Довольно оживленно. Я напрягла слух. Нет. Бесполезно. Не разобрать. Общаются на сербском. Вот нужно было лучше учить язык той страны, куда собралась в путешествие! Сейчас может и разобрала бы хоть несколько слов, чтобы хотя бы уловить суть разговора. Я помедлила минут пятнадцать-двадцать и вышла к ним. Ружена уже накрыла чайный столик. Снова пышные румяные сырники, варенье, козий сыр, варёные яйца, чай, мёд! Во время позднего завтрака Вацлав был молчалив и сосредоточен, витал где-то в своих галактиках. Ружена ушла колоть курицу на вечер. Я тоже помалкивала, ждала, что нового сообщит лекарь. После завтрака Вацлав извинился и снова углубился в свою тетрадь. А я отправилась побродить по округе, подышать свежим воздухом. На лугу цикады свербили воздух нещадно, заглушая даже щебет птиц. Устав от этих назойливых несмолкаемых звуков, я очень быстро вернулась в дом. Но ни травника, ни Ружены в доме не было.

Стояла такая особенная тишина, какая бывает, когда дом примолкает без своих хозяев и тени живущих в нём притаиваются по углам и в темных закоулках, сберегая секреты владельцев. О, пустой дом умеет говорить стенами, энергетикой вещей! В нём как бы гуляет эхо размышлений и чувств тех, кто в нём обитает. Я и раньше иногда замечала такое

свойство пространств, где живут люди, но сегодня это умение почувствовать энергетику пустого дома проявилось особенно ярко. Постояв около рабочего стола Вацлава и возле его дивана, с разложенными стопками книг и толстых тетрадей с записями от руки, я ощутила его тревожность и раздражение, а ещё...его растерянность. Что бы это могло означать? Погуляв вдоль плиты и буфета, я рассчитывала уловить состояние Ружены. Но не сумела его почувствовать. Да у неё же наверняка обереги и всякие атрибуты деревенской магии! Вот ведьма. Дальше я решила отправиться в библиотеку, на второй этаж. В комнату, где вчера по воздуху носились такие явственные видения. Лестница под моими шагами заговорщицки поскрипывала. В атмосфере библиотеки царил сумбур и переполох, принадлежащий следам совершенно посторонних людей, которых я не знала. Возле окна я почувствовала присутствие здесь некогда мужчины, облаченного церковным саном. Я так явственно слышала запах ладана и ощущала тяжелую строгость этого следа, что на секунду мне предстало видение человеческого образа. Образ был таким чётким, что я запомнила черты лица. Возле письменного стола я считала след смутно знакомой энергетики, но только никак не могла вспомнить, где я уже встречалась с подобными флюидами. Больше ничего ясно понять не удалось.

На втором этаже должна была быть ещё одна комната, но только не понятно, где был в неё вход. Никаких смежных

входов и дверей в библиотеке не было, но по соседству явно было ещё одно помещение. По площади библиотека не была суммой площадей двух нижних комнат. Очень интересно устроен дом у бывшего аптекаря... Я спустилась на первый этаж, предполагая обойти строение вокруг снаружи. Оказалось, что западная стена дома ближе к дальнему углу, тоже имела вход. Массивная деревянная дверь из прекрасно пригнанных досок была на замке. Рядом были окна комнаты Вацлава. Я вернулась, спустилась с веранды и пошла обходить дом с западной стороны, чтобы посмотреть количество окон на втором этаже. Окна было четыре. В библиотеке было два окна, значит ещё два окна имеет другая комната, в которую невозможно проникнуть изнутри дома. Открытие так открытие.” Что там за помещение? Кто в нём жил или живёт?” Снова одни вопросы у меня. Я вернулась в дом, нашла в буфете молотый кофе и сварила себе крепчайшего напитка. Смаковать вышла на веранду. Отсутствие Вацлава и каких-либо планов и целей на вторую половину дня немного нервировали.” Как там Збыслав? Сегодня ему ничего не отвозили. Или я просто об этом не знаю? Снова неопределенность. Скорей бы уже появился травник.”

Нетерпение и нервозность того момента достигли тогда наивысшего накала. Даже теперь, вспоминая те часы, я впадаю примерно в такое же состояние, переживаю те же чувства. Несмотря на то, что времени прошло с тех пор уже достаточно, остроту те переживания не потеряли.

Глава 14

Высокая веранда – лучшее место обозреть окрестности, попивая кофеёк. Наконец, я заметила Вацлава, который вынырнул из кустарника на противоположной стороне дороги и направился к дому. В руках он держал пучок травы с короткими стебельками. Зайдя во двор, он махнул мне рукой:

–Катерина, уважаемая госпожа! Хорошие новости! – он немного запыхался, говорил с отдышкой, лицо было влажным от пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.